

«ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ» НАЗВАНИЯ В РУССКОЙ И СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ, А. А. МАКАРОВА, И. И. МУЛЛОНЕН

Данный параграф посвящен контрастивному изучению разноязычной по происхождению «демонологической» топонимии, функционирующей на одной и той же территории, простирающейся от Белого моря, Онежского и Белого озер на западе до реки Пинеги на востоке³⁴. Для анализа избраны названия, образованные от топонимических основ, которые наиболее продуктивны и репрезентативны для контактных языков (русского и субстратных) изучаемого региона.

В топонимии русского происхождения наиболее частотны названия, продолжающие праслав. **čьrt-*. *Чертовы* топонимы составляют около 80 % от всех «демонологических» имен в топонимиконе Русского Севера: другие названия, образованные от обозначений нечистой силы (в их основе апеллятивы *бес*, *бука*, *дьявол*, *жихарь*, *кикимора*, *леший*, *оборотень*, *русалка*, *сатана*, *скоморох*, *упырь*, *шайтан*), значительно уступают *чертовым* названиям по своей продуктивности [см.: Березович, 2010: 14–57]. Более того, эта основа по частотности превосходит любую другую топонимическую основу с сакральной (не только «демонологической») семантикой и существенно опережает следующую за ней основу **svęt-*: так, в топонимии Архангельской, Вологодской

³⁴ Иначе говоря, рассматривается топонимия Русского Севера в современных границах Архангельской и Вологодской областей и некоторых районов Ярославской и Костромской областей, граничащих с Вологодской областью; в анализируемый материал включаются и русские по употреблению топонимы Республики Карелия.

и северной части Костромской и Ярославской областей насчитывается 275 *чертовых* топонимов на 220 *святых*.

Что касается субстратной топонимии, то решено выбрать для анализа материал прибалтийско-финского субстрата, поскольку именно этот слой («верхний» для большей части Русского Севера) является наиболее широко представленным и хорошо изученным. Кроме того, для исследования субстратных географических названий необходимо иметь сопоставимые материалы по живой топонимии родственных языков, что в наибольшей степени достижимо именно для прибалтийско-финского субстрата благодаря наличию достаточно полных данных по собственно карельской и вепсской топонимии, а также имеющихся фактов финской. Другие субстратные слои, отмеченные на окраинах Русского Севера, изучены слабее; более того, просмотр словарей и картотек свидетельствует о том, что для некоторых «живых» топонимических систем, например коми, марийской, модели номинации с использованием образа черта либо не характерны, либо недостаточно выявлены. При этом исследователи иногда склонны нивелировать различия между топонимическими системами различных народов Русского Севера: «У соседних финно-угорских народов: вепсов, карел, коми — аппеллятивы, обозначающие сходных с русским чертом персонажей, также продуктивны в географических названиях» [Петров, 2015: 148]. Думается, данное суждение (хотя бы по отношению к коми) слишком категорично — и в дальнейшем мы отчасти затронем этот вопрос.

Какая конкретная основа может считаться наиболее репрезентативной для прибалтийско-финского материала? Список обозначений прибалтийско-финских мифологических персонажей обширен и включает в себя не один десяток наименований духов леса, поля, воды, дома и других строений, однако лишь немногие из них закрепились в топонимии. При этом перечень основ несколько разнится в западных и восточных прибалтийско-финских традициях: в западном списке в большей степени ощутимо скандинавское этнокультурное влияние. Среди названий мифологических персонажей, «отметившихся» в восточно-финской топонимии, обычно называют *hiisi*, *kekri*, *kyöpel*, *piru*,

lempo [Nissilä, 1962: 101; 1975: 91], одновременно обращая внимание на их малую продуктивность. Схожая ситуация и в Карелии: в картотеке, включающей более 100 тысяч топонимов этой территории, обнаружилось только несколько названий с основой *piru* ‘черт’ и *piessa* ‘бес’ (все в Беломорской Карелии): *Pirunsuari* «Чертов остров» на оз. Куйто со скалистыми берегами; *Pirukallio* «Чертова скала» на оз. Латваярви, в которой глубокое, как колодец, ущелье; *Pirunšilta* «Чертов мост», связываемое информантами с прозвищем жителя (Костомукш, Ладвозеро); *Piessankorpi* «Бесов лес» (Костомукш, Аконлакши); *Piessanvuara* «Бесова гора» (Калев, Ювалакша) со скалистыми разломами. Единичными примерами представлена такая лексема, как карел. *lembo(i)*, вепс. *lemboi* ‘черт’, причем не на собственно прибалтийско-финской территории, а в виде субстрата в обрусевшем Обонежье: оз. *Малое / Большое Лембозеро* (Пудож, Авдеевская), залив *Лемба* (Кондоп, Викша-река). При этом последняя основа закрепились в многочисленных ойконимах и производных от них наименованиях смежных с поселениями объектов, где она выступает в виде популярного в прибалтийско-финском именослове антропонима, входя в ряд многих других прозвищ, производных от соответствующих наименований мифологических персонажей³⁵.

На этом скудном фоне прибалтийско-финских топооснов, связанных с названием нечистой силы, выделяется своей активностью основа *hiisi-/hiite-*, восходящая к соответствующей лексеме *hiisi*, *his*, *hid*, *hitto* < **hiite*, бытующей в ряде прибалтийско-финских языков: финском, эстонском, карельском, водском. Она хорошо известна и в топонимии на территории бытования указанных языков. В Финляндии засвидетельствовано более пятисот названий с основой *hiisi-/hiite-* [Koski, 1967: 119–159], в Карелии их зафиксировано около полусотни. Сама лексема является

³⁵ Видимо, такова же ситуация на Русском Севере: среди топонимов с основой *лемб-* есть явные отантропонимные названия — ойконимы с основой *лембит-*, в основе которых традиционный прибалтийско-финский антропоним *Lembit* от *lemmitty* ~ *lembitty* ‘любимый’.

в прибалтийско-финском языковом пространстве явно западным словом. Считается, что в водский язык она проникла относительно поздно из финского [SSA, 1: 162]. Единичные топонимические примеры в ареале вепсского расселения не позволяют убедительно реконструировать ее и в вепсских говорах.

Итак, наша задача — провести сопоставительное исследование «демонологических» основ *hiisi*- и *черт*- в топонимии, обращая внимание на закономерности объектной соотнесенности соответствующих географических названий, их мотивации (и, по возможности, ее динамических изменений), лингвогеографической привязки.

Русские по происхождению топонимы (основа *черт*-)

Русский материал, учитываемый далее, включает данные по Архангельской, Вологодской областям и смежным с ними территориям Костромской и Ярославской областей. Этот материал был большей частью подробно описан в [Березович, 2002; 2010: 47–56]. Здесь же использован более представительный корпус топонимов, дополняющий факты, которые изучались в названных работах (привлечены полевые материалы 1999–2015 гг.), а при анализе материала избираются несколько иные аспекты.

Объектная соотнесенность. Среди *чертовых* топонимов (напомним, речь идет о 275 единицах) преобладают названия гидрообъектов (53 % от общего количества наименований): это болота, омуты, водовороты, рвы и ямы с водой; реки, текущие по глухим лесам или вытекающие из болот и имеющие грязную (темную) воду; опасные пороги и перекаты; озера, считающиеся «бездонными», и т. п. При этом три четверти географических названий приходится на обозначения ям (омутов, водоворотов), болот и глубоких озер.

На следующем месте по частотности — обозначения объектов хозяйственной деятельности (25 % от общего количества *чертовых* названий). Это наименования покосов, полей (на их долю выпадает 90 % топонимов этой группы), мостов, дорог, колодцев. Чаще всего это объекты, неудобные для обработки и опасные: лесные покосы (нередко кочковатые и сырые); неурожайные

(каменистые, глинистые и т. п.) поля; отдаленные сельскохозяйственные угодья; места, изобилующие змеями; мосты с подгнивающими опорами; колодцы с загрязненной водой и т. п.

Далее следуют названия населенных пунктов (10 % от общего количества *чертовых* топонимов). Как правило, это неофициальные ойконимы, обозначающие деревню или хутор, которые находятся в лесном или болотистом захолустье, далеко от путей сообщения, окружены неплодородными полями и пр. По сути, эту группу можно объединить с предыдущей — как названия «рукотворных» объектов, которые чаще всего оцениваются с точки зрения пригодности / непригодности для обработки человеком или проживания. Эти две группы вместе составляют чуть более одной трети от общего числа *чертовых* топонимов.

Отдельную группу образуют названия географических реалий, характеризующих ярко выраженные неровности рельефа (7 % от общего количества *чертовых* наименований). При этом из 20 названий 15 приходятся на обозначения оврагов, и всего 5 — на обозначения гор.

Наконец, имеются наименования лесов и урочищ, представляющих собой, как правило, заброшенные сельскохозяйственные угодья (5 %).

На основе этого перечня можно выделить некоторые мотивационные закономерности. Во-первых, как *чертовы* воспринимаются формы отрицательного рельефа, обычно заполненные водой. Очевидно, «рельефность» можно связать с исходной семантикой основы. Для праслав. **čьrtь* предполагается связь с **čersti*, *čьrtq* ‘рубить, резать, отделять’, при этом, по одной из мотивационных версий, **čьrtь* понималось как «тот, кто роет» и обозначало подземного духа [ЭССЯ, 4: 165–166]³⁶. Данные топонимии говорят в пользу этой версии; она подтверждается и на уровне словообразования

³⁶ По другой версии, **čьrtь* — буквально «обрезанный, укороченный», что объясняется представлениями о физическом уродстве черта, «укороченной» ноге или хвосте [Machek, 1971: 99; Boryś, 2005: 91].

(ср. многочисленные топонимические *черторои*³⁷), и на уровне лексической системности (ср. параллелизм топонимов типа *Чертовик* и *Ров*, приложимых к одному объекту), и на уровне мотивационных контекстов [аргументация приведена в: Березович, 2010: 50–51]. Нарытое чертом заполняется водой по разным причинам: как вследствие физико-географических условий местности (Русский Север изобилует болотами, глубокими озерами, ямами и пр.), так и вследствие того, что во многих районах России (и шире — в славянском мире) представления о чертях соотносятся прежде всего с водяными духами [Власова, 2008: 536; Березович, Виноградова, 2012: 522].

Во-вторых, *чертовы* места имеют отчетливо выраженную хозяйственную оценку: они либо непригодны для «окультуривания» (в первую очередь, кошения и пахоты), либо оно сопряжено с большими трудностями. Эта мотивационная линия, ярко проявляющая земледельческое мировосприятие, очевидно, возникла позднее, чем первая, но тесно с ней связана.

В-третьих, есть смысл говорить о собственно лингвистических обстоятельствах, определяющих мотивационное своеобразие *чертовых* топонимов. Среди них, на наш взгляд, просматривается внутригнздовая аттракция, которой подвергаются продолжения праслав. **čьrt-*, различные по исходной мотивации. Как известно, многие элементы гнезда **čьrt-* являются терминами подсечно-огневого земледелия [Куркина, 2011: 57–62; ЭССЯ, 4: 75–76, 161]. К примеру, широко распространено в славянских языках слово **čьrtežь* со значениями ‘подрезание коры’ → ‘участок леса, на котором произведено подрезание коры для последующей раскорчевки’ → ‘расчищенная из-под леса пашня’ [Куркина, 2011: 59]. Формы, наследующие **čьrtežь*, встречаются как в диалектной лексике, так и в топонимии (*Чертёж*, *Чертежи*, *Чертёж-Болото*, *Чертёж-Горка*, *Чертёжная Ляга*, *Чертёжные Лога* и т. п.) практически по всей изучаемой территории.

³⁷ Названия, в основе которых **čьrtoryjь*, отмечаются как в восточнославянских, так и в западнославянских языках и восходят к праславянской эпохе [ЭССЯ, 4: 163–164].

Думается, что и некоторые другие топонимы, восходящие не собственно к **čьrtežь* (названия типа *Чертíха*, *Чертíхи*, *Чертíще*, *Чертíшино*, *Чёртишино*, отмеченные неоднократно и обозначающие как поля, покосы, так и болота, озера, населенные пункты), изначально могли быть связаны именно с терминологией подсечного земледелия. Однако в народном сознании такие названия неизбежно притягиваются к демонию *черт*, ср. примеры: д. *Чертíха*: «Там такая лощина, и вытекает родник, и там находят чёртовы пальцы» (Вил, Якушино); пок. *Чертíха*: «Девчонка из Лукинского не умела ходить и передвигалась на коляске, однажды потерялась. Потом нашли её на Чертихе без коляски. Она объяснила, что её унесла женщина в красном сарафане» (У-Куб, Никола-Корень); ур. *Чертíще*: «Худое место, чёртовое, калтусина така» (Мез, Дорогорское). Притяжения наблюдаются даже для топонимических *чертежей*, имеющих, казалось бы, большую словообразовательную «защиту» от них: бол. *Чертёж*: «Видко, черти велися там, место сыроё» (Ней, Брениха). Следует отметить, что органичность подобных притяжений обусловлена не только фонетически, но и семантически: лесные расчистки могли восприниматься как воистину *чертовы* места, поскольку их разработка стоила «адского» труда; они отвоевывались у болот и лесов и были окружены таким ландшафтом, особо «богатым» нечистой силой; почвы быстро истощались — и урочище становилось заброшенным, что тоже вписывается в народную концепцию демонического локуса [см.: Березович, 2010: 54]. Итак, можно предполагать внутригнздовую аттракцию-«перекодировку» в направлении «земледельческий термин → демоним». Аналогом является гнездо **lěd-*, в котором представлен термин подсечно-огневого земледелия **lědo*: ‘terra inculta, участок, предназначенный под пашню’ → ‘пустошь, заброшенное поле’ → ‘место обитания нечистой силы’ → ‘нечистая сила’ [ЭССЯ, 15: 46]. Вероятно, «земледельческое» и «демоническое» значения могли быть связаны друг с другом не «цепочечной» логикой и не отношениями «перекодировки», а существовать как изначально неразрывный и синкретичный смысловой комплекс.

Наконец, упомянем и еще об одном собственно языковом моменте, определяющем мотивацию *чертовых* названий. Отчетливо ощутима аттракция *чертов* ↔ *черный*, которая проявляется в том, что *чертовы* топонимы могут закрепляться как обозначения темных лесных уголков, бездонных озер, рек с грязной водой и т. п.: омут *Чёртов Богот*: «Вода чёрная» (Влгд, Стризнево); поле *Чёртово*: «Чёрноземина там да грязно пахать» (Пошех, Ермаково); дорога *Чёртовы Дома*: «Лес такой дремучий, чёрный, и дорога одна така идёт» (Он, Нижмозеро) и т. п.; ср. также параллельные названия типа д. *Чёртово* // *Чёрная* (Галич).

Перейдем к изучению ареальной дистрибуции *чертовых* топонимов, которое осуществляется (по техническим причинам) для исследуемого топонимического массива за вычетом данных по Карелии. Топонимы с основой *черт-* фиксируются по всей территории, но есть зоны, где наблюдаются относительные пики — и, наоборот, спады. Среди «пиковых» районов — часть вологодского Белозерья (9 *чертовых* названий в Белозерском районе, 10 — в Кадуйском), центральные районы Вологодчины (9 — Сокольский район, 8 — Харовский, 7 — Грязовецкий), зона, прилегающая к Великому Устюгу (7 — Великоустюгский район, 7 — Кичменгско-Городецкий, 7 — Никольский), восточные и северные районы Архангельской области (13 — Верхнетоемский район, 9 — Ленский, 8 — Пинежский). Относительные спады отмечены в топонимии следующих зон: Вытегорский район Вологодской области (нет *чертовых* топонимов, что выглядит странным на фоне «богатых» соседних районов — Белозерского и Кадуйского), восток Костромской области (нет — Октябрьский, Пыщугский районы, 1 — Павинский, Шарьинский), «крайние» восток и север Архангельской области (нет — Мезенский район, 2 — Лешуконский).

Вопрос о причинах указанных различий очень сложен. На активность *чертовой* топонимии влияет целая группа факторов, при этом указать со всей определенностью ведущий фактор для каждой зоны практически невозможно. Перечислим их в качестве сугубо гипотетических и дающих гибкие сочетания друг с другом. По сути, этот перечень направлен не только

на выявление причин ареальных различий, но и дополняет наши представления о специфике «демонологической» топонимии в севернорусских говорах.

1. На поверхности лежит «ландшафтный» фактор. Легко предположить, что количество *чертовых* названий должно возрастать в топонимии тех зон, которые особенно богаты болотами, порожистыми реками, глухими лесами и т. п. Возможно, названный фактор наиболее явно «работает» для *чертовой* топонимии таких районов, как Ленский, Верхнетоемский, Пинежский.

2. Определенное влияние на систему топонимической номинации (в том числе на популярность *чертовых* названий) может оказывать такой фактор, как тип хозяйственной деятельности. Например, в Мезенском и Лешуконском районах, являющихся «охотничьими», *чертовых* названий практически нет (при том, что топонимия этих районов крайне обильна — номинирована, кажется, каждая лужа, клочок леса и береговой выступ). Земледелие здесь играет значительно меньшую роль, чем в других зонах Русского Севера: достаточно сказать, что в советское время местные колхозы нередко занимались не обработкой земли, а охотой. «Охотничье» мировосприятие имеет иные прагматические доминанты, нежели земледельческое. Охотник воспринимает ландшафт вне оппозиции пригодности / непригодности для сенокосения, пахоты и т. п. Для него «проходим», по сути, любой участок территории. Это обстоятельство может снижать количество *чертовых* топонимов.

3. Следующая причина — распространенность на той или иной территории объектов культа, в первую очередь христианского. Очевидно, появление таких объектов (особенно крупных — церквей, монастырей) влечет за собой активизацию восприятия ландшафта как арены, где царит крестная сила, которая может взаимодействовать с нечистой. Этот фактор подразумевает также учет времени христианизации той или иной территории. Скажем, Вологодская область была христианизирована в целом раньше, чем Архангельская [Власова, 1995], в ней больше церквей и монастырей, что имеет топонимическое следствие: на Вологодчине больше *святых* топонимов (4 на район

в Вологодской области против 3 на район в Архангельской). Особенно это касается центральной зоны Вологодчины: именно здесь было в наибольшей степени развито монастырское землевладение и проживало значительное количество монастырских крестьян [Камкин, 1992: 55; Колесников, 1976: 41].

Осмысление ландшафтной «святости» на уровне топонимии может приводить к появлению явных корреляций *святых* и *чертовых* названий. Ср. мотивационный контекст к паре топонимов *Святі́к* — *Чертові́к* (озеро и вытекающая из него протока): «Озеро, говорят, Стефан Великопермский крестил, черти-то пошли со Святика да и нарыли всё, вот и назвали Чертовик» (Лен, Сойга) [о подобных корреляциях см. в: Березович, 2010: 42–43, 55–56, 78]. Но помимо эксплицитно выраженных оппозиций есть, вероятно, и имплицитные. В топонимии ряда территорий *чертовы* и *святые* названия неявным образом коррелируют, что выражается в наличии примерно равного количества тех и других названий: например, 7 *чертовых* — 7 *святых* (Холм), 9 *чертовых* — 8 *святых* (Бел), 1 *чертово* — 1 *святое* (Сямж), 0 *чертовых* — 1 *святое* (Мез) и др. Таким образом, частотность *чертовых* топонимов в ряде случаев может зависеть от того, насколько актуален сценарий святости локуса (и борьбы крестной силы с нечистой) для той или иной территории. Возможно, сказанное следует принимать во внимание для объяснения частотности *чертовых* топонимов в центральных и некоторых западных районах Вологодской области, где, как говорилось выше, было особенно много крупных церквей и монастырей.

В то же время в Вытегорском уезде Олонецкой губернии, по свидетельству историков, позиции христианской религии были наиболее слабыми [Власова, 1995: 88]. В русской топонимии этого района нет *святых* названий. Возможно, это повлияло и на отсутствие *чертовых* топонимов на этой территории (свою роль могло сыграть и отсутствие основы *hiisi-* в вепском языке, во многом формирующем картину языковых контактов в этом районе).

4. Если предшествующие факторы носили внеязыковой характер, то сейчас речь идет о факторе внутриязыковом. В тех зонах, где можно предполагать значительное иноязычное

влияние на сложение русской топонимической системы, следует учитывать номинативные традиции контактного языка. Так, этот фактор может работать для лешуконско-мезенской зоны, где сказывается сильнейшее влияние коми.

В языке коми, как показывает просмотр словарей проприальной и апеллативной лексики (подтверждаемый комментариями специалистов), обозначения нечистой силы в целом не обнаруживают особых номинативных ресурсов ни в топонимической, ни в апеллативной системах (во фразеологических единицах, семантических и семантико-словообразовательных дериватах от демони́ма и т. п.). В этом плане они являют разительный контраст с русским языком, в котором слово *черт* (в меньшей степени *бес*) обладает исключительной активностью во вторичной номинации. Отсюда версия о том, что причина уменьшения количества *чертовых* названий в топонимии тех зон, которые контактируют с коми территорией, может быть сугубо ономаσιологической: номинативные традиции контактного языка, передающиеся русской топонимической системе.

5. Еще один номинативный фактор связан с явлением языкового табу. При всей активности *черта* во вторичной номинации, это слово в некоторых коммуникативных режимах, несомненно, подвергалось табуированию. Вероятно, механизм табуирования включался чаще всего в тех случаях, когда речь шла о страшных местах (в том числе «убиенных»). Фактор табу можно допустить «в общем виде», без привязки к определенной территории, поскольку невозможно установить, в каких зонах обсуждаемый механизм работал наиболее действенно (для этого нужны комплексные лингвопрагматические наблюдения над номинативной системой в целом). Стоит лишь предполагать, что в связи с обсуждаемым явлением тоже может сказаться контактное влияние (уже не на уровне механизма, а на уровне результата): есть смысл думать, что причины низкой номинативной активности «чертей» в топонимии коми в какой-то мере коренятся в том, что у коми языческая традиция характеризуется высокой степенью сохранности — и явление табуирования представлено более масштабно, чем в русской номинативной системе.

6. Последний фактор тоже носит лингвокогнитивный характер. Широко известна архаичная традиция восприятия локусов в связи с «духами мест», при этом могут номинативно не различаться название локуса и имя *genii loci*. Эта традиция действует в различных языках, в том числе в славянских, ср. приведенный выше пример относительно слова *ляд* (< **lědo* // **lědъ*). Но если в русском языке (и, кажется, в других славянских традициях) таких случаев относительно немного, то в финно-угорских данная модель гораздо более популярна, что может быть вызвано активностью соответствующих верований. Показательны в связи с этим рассуждения Л. Н. Виноградовой, отмечающей, что состав духов-«хозяев» локуса наиболее детально разработан в поверьях русского населения европейского Севера:

...это касается как крупномасштабных персонажей, имеющих большой набор индивидуальных характеристик, так и бесконечного множества слабо разработанных образов, причисляемых к этой категории лишь на основе локативной терминологии (всякого рода *подкустовники*, *моховики*, *луговики*, *подосиновики*, *ельники*, *колодязники* и т. п.). Вопреки распространенному мнению, такая картина не является типичной для всех славянских традиций и не очевидно, что она отражает древнейшую общеславянскую основу. ...Высокая степень популярности локативных духов-«хозяев» у русских, со всей очевидностью, связана с влиянием финно-угорской мифологии, в которой этот класс демонов занимает первостепенное место. <...> Все эти персонажи не являются однозначно вредоносными или благорасположенными к человеку: они вредят тем, кто неправильно себя ведет в локусе мифического «хозяина», и помогают тем, кто соблюдает правила и обычаи [Виноградова, 2013: 501].

Поскольку многие объекты топонимии воспринимаются как ландшафтные реалии и одновременно места проживания демонов, можно предположить, что при попадании слова с синкретичной «локативно-демонической» семантикой в топонимию «демонический» компонент попросту оказывается

растворенным, особо не акцентированным. Возможно, здесь кроется дополнительное объяснение того, почему мезенско-лешуконская топонимия фактически избегает *чертовых* топонимов: в условиях активных языковых контактов русская топонимия оказывается лишенной возможности калькировать иноязычные «синкретичные» модели, поскольку у нее мало своих средств передачи подобной комплексной семантики.

Прибалтийско-финские топонимы (основа *hiisi*-)

Семантическое наполнение изучаемой лексемы варьирует по языкам, что связано с историческими этапами в ее развитии. Финский исследователь М. Коски на основе анализа широкого прибалтийско-финского материала, прежде всего финского и эстонского, предположил, что первоначально слово обозначало расположенное на возвышенности языческое кладбище, на котором проводились определенные обряды, связанные с культом предков [Koski, 1967; 1970]. При этом своеобразным алтарем, центром такого кладбища был большой приметный камень. Постепенно слово стало обозначать и выросшую на месте кладбища рощу (особенно в эстонской традиции), которая уже не обязательно ассоциировалась с кладбищем, но сохраняла память о культовом месте. С принятием христианства слово начинает приобретать негативные оттенки семантики: место языческого поклонения, расположенное в глуши. По мере укрепления христианства негативное наполнение расширяется: в частности, с этими местами в западнофинской традиции начинают связывать сюжеты о великанах и троллях, а в восточных говорах слово приобретает значение «черт, леший». Эти исторические и ментальные перипетии высвечиваются в фин. *hiisi* «священная роща, место жертвоприношений; кладбище; хозяин леса, тролль», эст. *his* «роща, кустарник», *hiid* «великан», карел. *hiisi* «ад; дьявол» [SSA, 1: 162], «леший, водяной» [KKS, 1: 264], в которых отражается, с одной стороны, семантика места, а с другой — населяющей его нечистой силы.

Какой или какие из обозначенных этапов в семантическом развитии слова *hiisi* нашли отражение в топонимии? К сожалению, сведения об объектах, в названии которых представлена основа

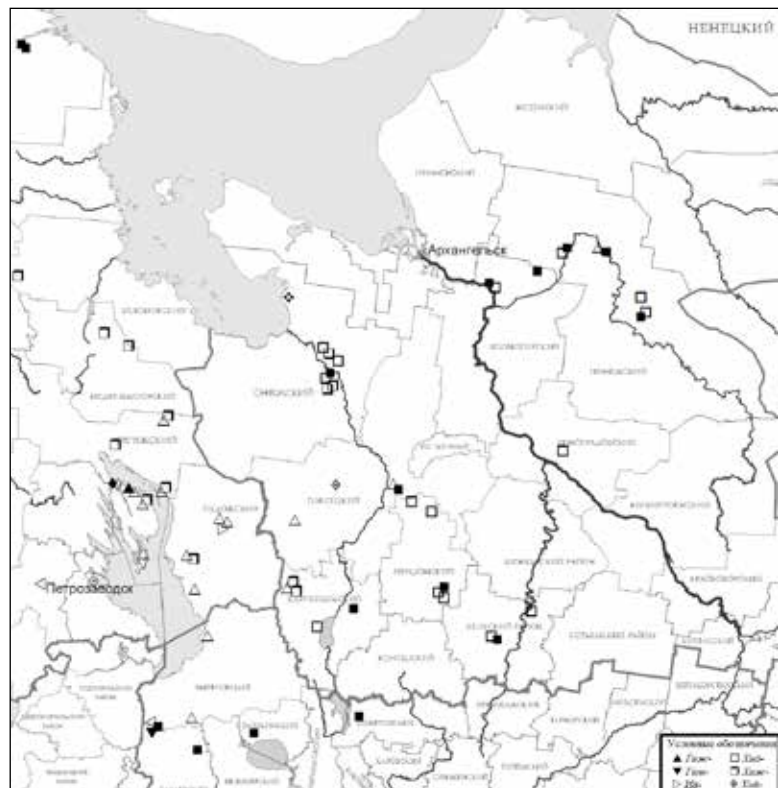
hiis(i)/hiije- < hiit(e)-, отрывочны и неполны. Тем не менее анализ имеющихся материалов по территории карельского Приладожья показывает, что просматриваются определенные приоритеты в выборе объектов для называния. Выбор Приладожья в качестве некой эталонной территории связан с тем, что здесь, в ареале формирования древнекарельского этноса, есть основания для поиска первоначальных, наиболее ранних мотивов использования топоосновы *hiisi-* в карельской традиции. В свою очередь, обращение к карельской традиции вызвано тем, что она, видимо, является наиболее вероятным источником модели с названной основой в субстратной топонимии Русского Севера. Оказалось, что основа продуктивна прежде всего в наименованиях гор, как правило, наиболее высоких в окрестностях поселения, нередко с крутыми склонами и плоской вершиной: *Hiijen/mäk* (*hiijen- < *hiiden : hiisi, mäk* 'гора, холм'), *Hiijen/vuor* (*vuor* 'высокая гора'), *Hiis/vuori*, *Hiijen/kallio* (*kallio* 'скала') и др. Некоторые из них традиционно использовались как места, где водили хороводы, жгли костры в ночь на Иванов день, устраивали качели. Иногда к таким местам приурочены легенды о зарытых кладах или о колдунах. К этому разряду топонимов **примыкают** названия высоких каменистых мысов (*Hiisi/niemi, Hiijen/niemi*), имеющих крутые склоны. С ними также связаны традиции молодежных гуляний. С другой стороны, они могли наводить страх на путников. Известно, например, что если путь большой церковной лодки, отвозившей жителей на воскресную службу в церковь в Сортавалу, пролегал мимо мыса *Hiisi/niemi*, то женщин высаживали из лодки в заливе *Naislahti* «Женский залив», и они шли к церкви по тропе, которая обходила мыс стороной [Mallat, 2007].

Еще один принципиально важный признак мест, в названиях которых использована основа *hiisi-* — их каменистость, наличие больших камней, иногда их нагромождений, скальных выходов. «Каменистость» присутствует и в многочисленных финских и эстонских сюжетах о великане Хийси, собиравшем камни в большие кучи, разбрасывавшем огромные каменные глыбы по лесу или пытавшемся бросить такую глыбу на церковь. Такие одиночные большие камни называются *Hiidenkivi* 'камень Хийси' и являются культовыми. С «каменистостью», что не менее важно,

связана, видимо, и одна из наиболее вероятных этимологий самого слова, возводящая его к скандинавскому истоку со значением 'каменоломня, густой лес, пещера' [SSA, 1: 162]. Предполагается даже, что слово было усвоено первоначально в качестве топографического термина, а значение сакрального термина приобрело уже в ходе прибалтийско-финской истории [Kulonen, 1990].

Итак, в средневековой карельской традиции в Приладожье топооснова *hiisi-* маркировала прежде всего выделяющиеся в окрестностях поселения высоты (горки, высокие мысы) с крутыми каменистыми склонами. Она отмечена и в названиях отдельных приметных камней. Однако ее присутствие в наименованиях территориально смежных объектов — озер, озерных заливов, островов, болот и др. — носит, видимо, вторичный характер и обусловлено переносом по смежности. При этом в топонимии более восточных областей Карелии, осваивавшихся уже в новое время, с названиями возвышенностей — гор и высоких озерных мысов (*Hiizi/vuara, Hiid/niemi, Hiijen/niemi*), а также отдельных камней — количественно явно соперничают озерные наименования (*Hiiz/järvi, Hiizi/lambi*), нередко названия островов (*Hiizi/suari*) и озерных заливов (*Hiiden/guba, Hiizi/lakši*). Видимо, такая ситуация связана как с постепенной утратой объектами сакральной функции, так и с большей устойчивостью и сохранностью гидронимии. В значительной степени такова же топография объектов с вариантами основы *Хиж-/Иж-/Хум-* и в традиционно русской Карелии — Поморье и Восточном Обонежье, а также на Русском Севере.

Список русских по употреблению названий включает 47 топонимических гнезд (наименований смежных объектов, образованных от основы *hiisi-*), которые представлены на территории, тянувшейся от Белого моря, Онежского и Белого озер на западе до реки Пинеги на востоке (см. карту). В подавляющем большинстве случаев это действительно гнезда названий смежных объектов, в которых в силу их древности, а также в связи с произошедшим на протяжении столетий, с одной стороны, разрушением, а с другой — разрастанием гнезда, сложно подчас выявить ядро, тот исходный топоним, на базе которого происходило формирование цепи названий смежных объектов.

Русские по употреблению названия, образованные от основы *hiisi-*, в топонимии Русского Севера и Карелии

При анализе этой субстратной топонимической ситуации логично опираться на те приоритеты называния, которые выявлены на собственно прибалтийско-финском материале, — маркировка топоосновой *hiisi-* в первую очередь камней, высоких мест, мысов. В нашем списке всего три названия камней, однако, с учетом того, что это микротопонимы, которые, как правило, неустойчивы во времени, они, очевидно, являются рудиментом более обширного и насыщенного ареала, разрушенного временем. К тому же, будучи простыми по структуре (*Хид*, *Хит*), они были явно ядерными, примарными для названий смежных природных

и культурных объектов. Отголоски сакральной функции камня *Хит* (*Хид*, *Хидо*) отражает контекст: «Камень — страшной, страховище, страх какой» (Он, Поле). Примерно четверть всех названий списка составляют наименования гор. Подавляющее большинство их располагается на западе ареала — в Беломорье и Обонежье, что хорошо согласуется с их карельскими истоками. В принципе такому генезису модели не противоречит и одна известная восточная фиксация — *Хидгора*, часть д. Покшеньга на Пинеге, где выявлен целый ряд убедительных карельских следов в топонимии. Топооснова привязана к доминантным высотам, хорошо выделяющимся на местности³⁸. На таких горах нередко стояли деревни, а также православные часовни и церкви. Характерный пример — церковь преподобного Александра Свирского на *Хижгоре*, самой высокой точке южного Кенозерья, водоразделе Онежского озера и реки Онеги. С другой стороны, они были известны и как места, связанные с нечистой силой. Такова *Ижгора* на острове Киж в Заонежье, о которой в записанном Павлом Рыбниковым в середине XIX в. поверье сказано: «... Нечистая сила (лембои) везде водится, но ее любимые жилища на Ишь-горах и Мянъ-горах» [Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 1991: 183]. В этом же ряду сакральных мест стоит и заонежская *Ижгора* ~ *Хижгора* (Медв, Толвуя), известная также под названием *Игримый Креж*.

Как и на собственно прибалтийско-финской территории, в субстратной топонимии с основой *Хиж-* продуктивны названия мысов (10 фиксаций с учетом топонимов с детерминантами *-наволок*, *-нема*, *-мень*, *-мина*). Ареально они тяготеют к северо-западной части региона (Обонежье и западные районы Архангельской области: Он, Плес, Нянд, Холм), вписываясь в зону субстратной топонимии с карельскими корнями. Все перечисленные

³⁸ Типичный пример такой горы — *Ижгора* (Пудож, Авдеево), которая описывается в геологической литературе как кам, т. е. куполовидный холм с крутыми склонами, образовавшийся в ходе таяния ледника высотой 60 м при ширине подошвы до 1 км [Биске, 1959: 259].

в списке мысы находятся в непосредственной близости к поселениям, на некоторых из них стоит / стояла часовня, многие известны как вторичные названия сельскохозяйственных угодий. В одной связке с названиями мысов и гор выступают наименования заливов (6 фиксаций), возникшие, видимо, в ходе переноса топоосновы на смежный объект.

Наиболее многочисленную группу (15 названий) составляют наименования сельхозугодий — покосов и полей, при этом сам структурный облик топонимов и наименования смежных объектов в подавляющем большинстве случаев указывают на вторичность этих агронимов, привязанных, как правило, к мысам, камням, иногда озерам, в названиях которых использована топооснова *Хиж-/Хид-*. Очевидно, и озера (11 фиксаций), а также реки и ручьи (9 названий) являются звеньями в более или менее длинной цепи топонимов и появились в ходе переноса топоосновы с названия ядерного объекта по смежности: оз. *Хижозеро* / *Хижезеро* в одном гнезде с *Хижгорой*, *Хичезеро* — с камнем *Хит*, оз. *Хитминское* — с мысом *Хитмина*, и т. д.

Названия болот (6 наименований) в смысле их первичности или вторичности классифицировать трудно, поскольку в 4 случаях из 6 они выступают самостоятельно, а не в составе гнезда. В отличие от русской топонимии, где *Чёртовы болота* достаточно частотны, в прибалтийско-финской основа *hiisi-* маркирует иной рельеф местности. Болотистость и малая освоенность, характерная для всей территории Карелии, видимо, не была тем фактором, который вызывал негативную оценку местности — возможно, сказывался промысловый характер ее освоения и использования. Нельзя исключать того, что на Русском Севере привязка топоосновы *Хиж-/Хит-* к болотам могла быть спровоцирована влиянием соответствующей русской *чертовой* модели.

Почему из всех наименований прибалтийско-финских мифологических персонажей, связанных с нечистой силой, практически только слово *hiisi* оказалось востребованным в топонимии? Возможно, потому, что его семантика изначально включала «местный» компонент: *hiisi* — это и место (родовое кладбище с каменным алтарем, священная роща, и т. д.), и населяющий его

дух. В этом контексте интересно наименование другого персонажа прибалтийско-финской мифологии — *tapio*, обозначающее и духа леса, и сам лес [Turunen, 1979]. Судя по картографическому ресурсу retkikartta.fi, в топонимии Финляндии эта основа представлена несколькими десятками названий. Даже если вынести за пределы этого списка все отантропонимные топонимы (как и наименования целого ряда других мифологических персонажей, *Tapio* перешло в антропонимию и оказалось достаточно востребованным в финском именослове), в нем все-таки окажется ряд названий лесных угодий, поросших лесом гор, островов на болоте, которые могут быть связаны с мифологическим *tapio*, т. е. в данном случае логика появления топонима идентична той, которая вызвала к жизни топонимы с основой *hiisi-*. Другое дело, что *tapio* как мифологический персонаж имеет достаточно локальное бытование в прибалтийско-финском мире, к тому же он не был так тесно связан с жизнью местного сообщества — и поэтому не получил такого значительного представительства в топонимии, как *hiisi*.

Какое значение (значения) многозначного *hiisi* отразилось в топонимии Русского Севера? Могло ли слово там еще сохранять раннюю семантику ‘языческое кладбище’, ‘сакральное место’, или оно уже было вытеснено значением ‘нечистая сила’? Финский исследователь М. Коски считал, что на территории Финляндии, в том числе и в карельском Приладожье, места, в названиях которых присутствует основа *hiisi-*, перестали быть кладбищами уже в Средневековье, хотя еще длительное время сохраняли функцию культовых мест [Koski, 1967: 221–226]. Наши материалы, кажется, подтверждают, что некоторые отголоски семантики культового места еще сохранялись. Недаром в Пудожье и Кенозерье православные церкви и часовни ставились в местах с названиями *Ижгора*, *Ижнаволоок*, *Хижгора*. Видимо, функцию сакрального места отражают и два зафиксированных в списке названия кладбищ: *Хичирга* (Он, Вонгуда) и *Хичим* у г. Бабаево. Если в средневековой западнофинской и эстонской традициях в окрестностях поселения, как правило, существовало два центра — христианская церковь и языческая гора Хийси, которые

противопоставлялись друг другу, то в карельской такого четкого противостояния не было, православная церковь просто наследовала традицию языческого «святого» места. Очевидно, католичество и лютеранство были более непримиримы к проявлениям язычества, православие же допускало здесь синкретизм. К тому же в XVI–XVII столетиях, когда происходило формирование карельской топонимии в Восточном Обонежье и Поморье и ее субстратизация, языческие представления были сильны, и те отрицательные коннотации, которые слово *hiisi* имеет в современных карельских говорах ('ад; черт; леший; водяной'), на том этапе еще, видимо, не проявились в полную силу, т. е. субстратная топонимия отразила, по крайней мере, в части топонимов, более раннюю семантику лексемы — 'сакральное место'.

С другой стороны, целый ряд контекстов и в Карелии, и на Русском Севере говорит о том, что в здешних топонимах уже возобладали вторичная пейоративная семантика. Эти места вызвали страх, они были известны как локусы, в которых живет нечистая сила. Показательно и то, что те несколько топонимов с основами *piru* и *piessa* 'черт', которые известны в Карелии, маркируют нагромождения скал, скалистые ущелья, т. е. места, топографически идентичные тем, что маркированы основой *hiisi*-. Это наводит на мысль о возможных вторичных истоках *piru*- и *piessa*- — как семантически идентичных заменителей *hiisi*-, особенно с учетом того, что оба термина (*piru* под вопросом) являются в карельском языке относительно поздними заимствованиями. Кроме этого, есть по крайней мере одно документальное свидетельство того, что люд. *hiž* (*hide*-) переводилось словом *бес*: карельская деревня *Hidniemi* // рус. *Гижино* (Олон, Михайловское) в Писцовых книгах Обонежской пятины 1563 г. обозначена как «деревня над Бесовою головою на Бесовом ручью» [ПКОП: 86].

В этом контексте стоит обратить внимание и на топографию ряда *чертовых* мест в Прионежье, регионе относительно недавнего карело-вепского расселения: *Чёртов Стул* — скалистый, отвесный берег Петрозаводской губы Онежского озера; в Заонежье — скала *Чёртовы Ворота* (с вариантом *Железные*

Ворота) (Медв, Есина), *Чёртова Тропа*, проходящая по дну скалистого ущелья (Медв, Ажебнаволоку). Судя по материалам Топонимической картотеки Уральского университета, в топонимии Русского Севера *чертовы* топонимы практически не маркируют каменистые, скалистые возвышенности. Принимая во внимание вышесказанное, можно ставить вопрос о калькированном характере основы *черт*- в перечисленных топонимах, в оригиналах которых, возможно, использовалась основа *hiisi*- с семантикой 'нечистая сила'. В свое время на некую корреляцию топонимов с основами *Хид*- и *Черт*- обратил внимание А. К. Матвеев: около *Хидгоры* на берегу Мехреньги находится о-в *Черт*ов, а каргопольская «высокая, заросшая густым еловым лесом и довольно мрачная *Хижгора* удивительно напоминает многочисленные Бесовы и Чертовы горы, которые автору приходилось наблюдать в различных районах нашей страны» [Матвеев, 1976а: 183–184].

Топооснова засвидетельствована на Русском Севере в целом ряде фонетических модификаций, для некоторых из них просматриваются ареальные предпочтения: *Хиж*- на северо-западе ареала, Онежско-Беломорском водоразделе; варианты с утраченным инициальным согласным (*Иж*-/*Ид*- и др.) — в Восточном Обонежье; в виде *Хид*- — преимущественно в центральной части ареала, особенно на р. Онеге; глухой вариант *Хум*- бытует на южной окраине ареала. При этом возможно сосуществование разных вариантов звучания в одном гнезде (*Хид* и *Хижестров*), вызванное, очевидно, особенностями самой исходной лексемы *hiisi*, имеющей в косвенных падежах основу *hiide*- (< **hiide*-). А. К. Матвеев считал возможным связывать основу *Хид*- с древними прибалтийско-финскими диалектами Русского Севера. Глухой вариант *Хум*- мог, по его мнению, возникнуть на русской почве или восходить к прибалтийско-финским производным от *hiisi* типа *hitto* [Матвеев, 2004: 76–78]. Этимология лексемы до конца не установлена, для нее предлагались (под вопросом) как исконные [SKES: 74], так и скандинавские [SSA, 1: 162] истоки. В целом ареал топоосновы на Русском Севере в значительной степени накладывается на территорию карельской экспансии XV–XVII вв. на восток.

Это актуально и для вепсского этноязыкового ареала в Южном Обонежье, где зафиксировано достоверное карельское языковое и культурное наследие.

В данном контексте показательно практически полное отсутствие «демонологической» топоосновы в вепсской топонимии. Одна из причин этого может крыться в том, что в традиционной культуре вепсов сильны позиции язычества, и представители нехристианского пантеона не несут в полной мере того негативного содержания, которое вызывается христианскими воззрениями. Как следствие, не возникает номинативной базы для идентификации объектов с негативными характеристиками. Очевидно, этим же — отсутствием явно выраженных отрицательных коннотаций у традиционных языческих персонажей — вызвано отсутствие корреляции «чертовых» и «святых» названий в карельской и вепсской топонимии, которое просматривается в русской системе именований. Кстати, в финской и эстонской топонимии заметна на вепско-карельском фоне как бóльшая активность «чертовых» топооснов, так и некоторое сопряжение «чертовых» и «святых» топонимов [Nissilä, 1962; Koski, 1967; 1970], что может быть вызвано более сильными и продолжительными по времени традициями христианства, причем в его западной, первоначально католической форме, занимавшей более непримиримую позицию в отношении дохристианских верований, чем православие.

Сопоставительный анализ двух моделей, соприкоснувшихся в регионе Русского Севера, позволяет наметить некоторые моменты взаимовлияния и взаимопроникновения двух топонимических систем — русской и прибалтийско-финской.

▪ «Чертовы» топонимы представлены в обеих топосистемах, но в русской их частотность неизмеримо выше, чем в карельской. При этом изучаемые основы *черт-* и *hiisi-* демонстрируют как исходную семантику (не «чертову»), так и собственно «демонологическую». Первоначальные значения в обоих случаях связаны с ландшафтом; вероятно, это обстоятельство обеспечивает приоритет основ *черт-* и *hiisi-* в ряду других «демонологических» основ, играющих незначительную роль в топонимической

номинации. Можно думать, что в ряде случаев топонимы, образованные от указанных основ, имеют синкретичную семантику, фиксирующую неразрывность (преемственность) представлений о локусе и населяющих его демонов.

▪ Обе основы используются для называния мест, мало пригодных или непригодных для хозяйственного использования. Оценка таких мест, очевидно, осуществляется с разных позиций. В русской традиции на первый план выдвигаются приоритеты аграрной культуры. В прибалтийско-финской традиции они не столь очевидны. С учетом того, что основа привязана, в первую очередь, к труднопроходимым скалистым горам и в то же время непродуктивна, к примеру, в названиях болот, можно полагать, что за ней стоит взгляд на местность охотника-промысловика.

▪ Одним из факторов относительно малой продуктивности *чертовых* топонимов на западной, северо-восточной и южной окраинах Русского Севера может быть воздействие финно-угорского субстрата, позиции которого сильны как раз на этих рубежных территориях. В свою очередь, в финно-угорской традиции слабое представительство рассматриваемой модели может быть обусловлено относительно высокой степенью сохранности языческих традиций и более слабым влиянием христианства.

▪ Высвечиваются некоторые моменты взаимовлияния / взаимопроникновения моделей: на западной окраине Русского Севера основа *черт-* используется для называния гористых и скалистых мест, что несвойственно русской топонимии данной территории, но нормативно для прибалтийско-финской. В то же время на Русском Севере прибалтийско-финская основа *Хиж-* востребована в наименованиях болот, что может быть спровоцировано соответствующей русской моделью номинации.